
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 801 : 003

ББК 81.032

Н 59

Т.Т. Нешеретова

К проблеме семантической мотивированности категории рода

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье утверждается, что распределение по родам для носителей языков, обладающих категорией рода, является мотивированным, что доказывает персонификация имен по признаку пола. Выявление соотношения рода и пола является одним из аспектов решения проблемы семантической мотивированности категории рода.

Ключевые слова:

Категория рода, фиксированное и автономное значение, языковое сознание, номинативный и синтаксический элементы семантического содержания.

Проблема семантической насыщенности, мотивированности или немотивированности грамматической категории рода является наиболее спорной и постоянно дискутируемой в современной лингвистической науке. Одним из важнейших ее аспектов остается соотношение рода и пола.

В рамках критики символическо-семантической гипотезы и постепенного вытеснения ее синтаксическим и морфологическим объяснением категории рода неизменным оставалось признание того, что категория рода сама способна влиять на восприятие соответствующих понятий. При этом обыденное сознание не задумывается о том, что обусловило род слова: семантика, синтаксис или морфология. Грамматический род имени оказывает влияние на восприятие действительности и актуализирует в сознании фреймы, связанные с концептами биологического пола. Б.Ю. Норман считает, что грамматический род как бы «материализуется», воплощается в пол. Основываясь на многочисленных примерах персонификации, он говорит об особой творческой или «креативной» функции рода [6, с.26-32].

Подобный подход, однако, не дает однозначного ответа на вопрос о мотивированности или немотивированности рода имен существительных. В работах по общему языкознанию, как правило, категория рода в общеэтимологическом плане описывается на примере индоевропейских языков. Причем вопрос о мотивированности – немотивированности рода рассматривается на основе противопоставления «личность (одушевленность) – неличность (неодушевленность)». Обычно утверждается, что если род личных и части одушевленных существительных (фаунонимов) можно считать мотивированным на основе противопоставления по признаку пола, то род неодушевленных существительных лишен мотивированности. С подобной постановкой проблемы соглашаются не все исследователи. А. Аксенов придерживается мнения, что «нет языков с немотивированным родом, род во всех языках является в принципе мотивированным, и различия между родовыми языками заключаются в степени мотивированности родовых классификаций имен существительных» [1, с.18]. По результатам своего исследования, основанно-

го на описании 150 родовых языков, он делает вывод о том, что воздействие экстралингвистических факторов на грамматическую категорию рода выражается в расширении числа семантических противопоставлений (не только на основе принадлежности к определенному полу, но и на основе, например, противопоставления величине (размеру) однотипных предметов и т.д.) и в родовой редистрибуции имен существительных. Причем, в одних языках сфера семантических противопоставлений категории рода ограничена рамками личных и, частично, одушевленных существительных, а в других языках ее рамки значительно расширяются; в отдельных случаях можно говорить о почти полной или полной мотивированности рода [2, с.21].

М. Ласкова также называет категорию рода мотивированной как у одушевленных, так и у неодушевленных существительных [5, с.39]. Мы, вслед за Ласковой, считаем, что языковое сознание народа, язык которого располагает категорией рода, воспринимает отнесение существительных этого языка к тому или иному роду как полностью мотивированное. При этом любой звуковой или графический комплекс может обладать двумя типами значений: фиксированным или автономным. В нашем случае мотивация обусловлена именно автономным значением, не имеющим прямого отношения к лексическому значению слов. Касательно характеристик данных типов значения, уточним, что фиксированное значение – это способность вызывать в воображении и замещать в сознании некий предмет действительности, явление, отношение, признак и т.д. Оно становится фактом языка в силу постоянной, неразрывной, исторически сложившейся между звуковым (графическим) комплексом и элементами внеязыковой действительности. Автономное же значение представляет собой способность звукового (графического) комплекса вызывать в сознании любой феномен, обладающий чертами сходства или смежности с ним (с этим комплексом). Данное значение обусловлено не столько системой, историей, условной связью, сколько свойствами самих звуковых или графических комплексов. М. Ласкова придерживается мнения, что автономное

значение является фактором формирования языкового сознания [5, с.27].

В свою очередь, как классическая, так и современная лингвистическая наука понимает термин «языковое сознание» двояко. Ряд ученых (В. Гумбольдт, Б. Уорф и др.) придерживается мнения, что языковое сознание – это некая призма, в которой преломляется и через которую отражается в сознании человека окружающий мир так, что человек видит мир через языковое сознание. О «круге», который каждый язык описывает вокруг народа, писал В. Фон Гумбольдт, позднее – Б. Уорф (см. об этом Алпатов, с. 225). В отличие от названной позиции языковое сознание рассматривается также как некая активная деятельность, возникающая спонтанно в глубинах души человека и как бы независимо от окружающей его материальной действительности. Этот подход наиболее полно выражен в трудах К. Фосслера [9].

Отметим, что в современном языкознании принимаются во внимание оба данных подхода, так как через языковое сознание действительно отражается материальный мир, но в то же время оно само есть продукт активной духовной деятельности. Важно подчеркнуть, что языковое сознание преломляет и отражает не только внеязыковую реальность, но и свойства самого языка. Язык способен к «самоотражению» и отсюда к самосовершенствованию, самопознанию. Значимую роль в формировании языкового сознания как отношения к языковой реальности играют автономные значения. Категория рода – важный компонент сознания людей, говорящих на языках, располагающих категорией рода. Поэтому распределение существительных по родам для носителей данных языков логично и мотивировано.

Общепризнанно, что любая грамматическая категория имеет номинативные и синтаксические элементы в своем содержании. В силу этого приобретает актуальность также синтаксическое значение, понятие которого введено в научный обиход И.А. Мельчуком. Позднее его использовал А.А. Зализняк [3, с.50-61]. Если номинативное значение непосредственно отражает внеязыковую действительность, то синтаксическое значение отражает лишь способность словоформы вступать при построении фразы в определенные типы синтаксической связи с определенными классами словоформ [3, с.33-34].

Синтаксические значения могут быть фиксированными и автономными. В сочетании *высокий стул* связь между высотой и стулом основана на явлении объективной действительности, а то, что со словом *стул* соединяется именно форма *высокий* (а не *высокая*, *высокое*), мотивировано языковой реальностью.

В работах А.А. Зализняка четко прослеживается тезис о том, что номинативные и синтаксические элементы значения грамматической категории тесно связаны между собой. Об этой взаимосвязи применительно к той же категории рода писал еще А.М. Пешковский. Ср. его мысль о том, что в существительном типа *вода* мы ощущаем символическую связь с лицами женского пола [7, с.56]. Материал категории рода свидетельствует о том, что к сфере семантики относятся не только номинативные, но и синтаксические элементы значения. Хорошо известно, что «немотивированный» род неодушевленных существительных может стать источником тонких семантических эффектов. Персонификация на основе категории ро-

да, издавна характерная для различных жанров и стилей художественного творчества, наделяет объекты, переданные с помощью женского рода, свойствами женского пола, а объекты, обозначенные мужским или средним родом, – свойствами мужского пола. Например: в русской традиционной поэзии в поэтическую семантику слова *берега* входят гендерные компоненты «девушка», «невеста», «молодая», «красивая» и др. Проблеме взаимосвязи грамматического рода и гендерных концептов посвящены многочисленные исследования гендерной лингвистики (М.В. Ласкова, А.В. Кирилина и др.).

Широкое распространение персонификации обусловлено тесной взаимосвязью и взаимозависимостью номинативных и синтаксических элементов содержания категории рода. В связи с этим уместно вспомнить следующее высказывание А.А. Потебни: «На слово нельзя смотреть как на выражение уже готовой мысли. Напротив, слово есть выражение мысли лишь настолько, насколько служит ее созданию» [8, с.131].

Номинативное содержание грамматической категории не следует отождествлять с лексическим значением. Номинативное содержание грамматической категории – лексическое значение, выраженное грамматическим способом, т.е. регулярно и обязательно. Лексическое значение шире номинативного, т.к. вбирает в себя те синтаксические значения, которые заданы в значениях классификационных категорий. Значение рода у существительного входит в его лексическое значение.

С учетом изложенного мы можем сделать следующие выводы:

- грамматический род обладает тесно взаимосвязанными и взаимообусловленными номинативным и синтаксическими элементами семантического содержания. Реальность (принадлежность к сфере семантики) автономных значений позволяет считать род мотивированной категорией как у одушевленных, так и у неодушевленных имен существительных;

- формальные различия категории рода и пола диктуют необходимость отдельного изучения словообразовательной (лексической) категории пола и грамматической (классификационной для существительных и словоизменительной для атрибутов) категории рода.

Примечания:

1. Аксенов А.Т. К проблеме экстралингвистической мотивации грамматической категории рода // Вопр. языкознания. – 1984. – №4. С. 14-25.
2. Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М., 1999.
3. Зализняк А.А. К вопросу о категории рода и одушевленности в современном русском языке // Вопр. языкознания. – 1964. – №4. С. 49-64.
4. Кирилина А.В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки. – 1998. – №3. С. 51-57.
5. Ласкова М. В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики. – Ростов н/Д., 2001. – 192 с.
6. Норман Б.Ю. О креативной функции языка (на материале славянских языков) // Славяноведение. – 1997. – №4. С. 26-34.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1938.
8. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1968. – Т.3
9. Фосслер К. Грамматические и психологические формы в языке // Проблемы литературной формы. – Л., 1928.